

Инквизитор. Тень Доктора.

Михаил Орлов

Михаил Орлов

Инквизитор. Тень лекаря.

<https://litres.ru/73990506>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга захватывающей исторической мистери о следователе из нашего времени, заброшенном в самое сердце испанской инквизиции XV века.

Диего де Альмасан, бывший следователь, а ныне агент Святой канцелярии, и его верные спутники — палач-лекарь Мануэль, старый солдат Педро и юный Хуан — вступают в новую схватку. Тень их заклятого врага, безумного ученого, ставящего опыты на детях, ложится на Толедо. Отравление королевского фаворита и заговор, уходящий в высшие круги знати. Диего придётся доказывать свою собственную невиновность перед трибуналом инквизиции.

В этой книге герои столкнутся с предательством внутри канцелярии, сделают невозможный выбор между долгом и жизнью близких и шагнут в подземелья, где время течёт иначе. Удастся ли им остановить Лекаря, не заплатив за победу непомерную цену? И что значит пророчество о том, что сам Диего — не охотник, а «ключ» к двери, которую веками искал тайный орден?

Расследование продолжается. Пламя костров и холод истины ждут вас.

Содержание

Глава 1. Дорога памяти	6
Глава 2. Чужая земля	18
Глава 3. Внутри зверя	29
Глава 4. Глаза в глаза	41
Глава 5. Плен и побег	56
Глава 6. Возвращение	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Михаил Орлов

Инквизитор. Тень лекаря.

Все персонажи и события, описанные в книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими или когда-либо существовавшими людьми случайны.

Все описанное в книге является художественным вымыслом автора и на историческую достоверность не претендует.

Глава 1. Дорога памяти

Рассвет над Толедо был багровым. Диего стоял у ворот канцелярии, сжимая поводья, и смотрел, как солнце поднимается над стенами, заливая их алым светом. Как тогда, — подумал он. Месяц. Целый месяц прошел с того утра, когда костер на площади пожирал человека, а Диего стоял в толпе и смотрел. Не мог отвести глаз. Теперь он сжимал поводья и ждал, когда сотрет с ладоней запах дыма. Но тот не стирался.

— Долго стоять будем? — раздался сзади ворчливый голос Педро. — Солнце уже высоко, а мы все на месте.

Диего обернулся. Старый солдат сидел на своей лошади, поигрывая поводьями. Одет по-дорожному — старая, но крепкая куртка, сапоги со шпорами, на поясе длинный кинжал. Только меч он сегодня не взял — слишком заметно для мирного путешествия. Вместо этого под седлом была приторочена тяжелая дубина, которую Педро называл «аргументом для тех, кто не понимает слов».

— Смотрю на город, — ответил Диего. — Думаю.

— Думать будешь, когда в седло сядешь. А то лошади заждались.

Хуан, стоявший у мулов, хихикнул, но тут же сделал серьезное лицо, когда Педро метнул в него взгляд. Молодой солдат был при полном параде — вычищенный, подтянутый, с мечом, который он явно надел впервые после ранения. Ру-

ка еще побаливала, но он старался не показывать вида. Диго заметил, как он придерживает левую руку, делая вид, что поправляет сбрую.

Мануэль уже сидел на лошади, отъехав чуть в сторону, и смотрел на запад, куда им предстояло ехать. На поясе — неизменная холщовая сумка, из которой торчали кожаные ремешки. Он не оборачивался, не торопил. Просто ждал.

Когда Диго подъехал ближе, Мануэль перехватил поводья левой рукой — движение привычное, но что-то в нём было не так. Слишком осторожное. Как будто рука помнила что-то, чего сам Мануэль предпочитал не вспоминать. Диго не стал спрашивать.

Диго в последний раз оглянулся на стены Толедо.

Вот там, на площади, горел костер. Вот там, в канцелярии, они допрашивали дона Альваро. Вот там, в келье, он читал дневник Лекаря, пока не начало светать. А теперь они уезжали, оставляя город за спиной, и Диго не знал, вернется ли.

— Едем, — сказал он, вскинул ногу в стремя и сел в седло.

Лошадь под ним — молодая гнедая кобыла, подаренная Бенито взамен Старухи — фыркнула и переступила копытами. Диго потрепал ее по шее, успокаивая. Он уже не боялся езды верхом, как в первые дни. Тело привыкло, мышцы запомнили нужные движения, даже спина перестала ныть после долгого пути. Но чувствовать себя в седле так же уверенно, как Педро, он, наверное, никогда не научится.

Они выехали за ворота, когда солнце поднялось уже на

ладонь. Стражник у ворот махнул рукой — узнал, пропустил без вопросов. За спиной остался гул просыпающегося города, крики торговцев, звон колоколов, призывающих к заутрене.

Дорога уходила на юго-запад, в сторону холмов, поросших редким кустарником. Утренний воздух был прохладным, пахло полынью и сухой землей. Где-то вдалеке кричала птица, и этот звук казался Диего странно одиноким.

Первые полчаса ехали молча. Каждый думал о своем.

Диего смотрел по сторонам и вспоминал. Казнь. Дон Альваро, привязанный к столбу, смотрел куда-то поверх голов, на брата, висящего рядом. Не кричал. Только смотрел. А потом пламя взметнулось вверх, и...

— Ты чего такой? — спросил Педро, поравнявшись с ним.

— Какой?

— Мрачный. Как будто на похороны едешь, а не на задание.

— А это не похороны?

Педро усмехнулся, но усмешка вышла невеселой.

— Похороны были месяц назад. Теперь — работа.

— Ты сталкивался с таким раньше? — спросил Диего. — Чтобы столько... сразу?

Педро помолчал, глядя на дорогу.

— Видел. На войне. Когда город брали, там и не такое бывало. Но чтобы на площади, при народе, с благословения церкви... — он покачал головой. — Нет, такого не видел. И,

если честно, не хотел бы видеть еще.

— А как ты к этому относишься? К казням?

Педро пожал плечами.

— Они виновны, — сказал Педро жестко. — Я там был. Видел клетки. Так что... — он помолчал. — Я спать спокойно могу. А вот тебе, смотрю, не спится.

— Не спится, — признался Диего.

— Привыкай. Это наша работа. Мы не святые, мы — те, кто марают руки, чтобы другие могли спать спокойно.

Сзади послышалось фыркание лошади, и к ним подъехал Мануэль. Он держался чуть поодаль, но, видимо, слышал разговор.

— Ты думаешь, что мы должны чувствовать себя виноватыми? — спросил он. Голос спокойный, ровный, как всегда.

Диего посмотрел на него.

— Я думаю о том, что мы сожгли человека. Не повесили, не обезглавили — сожгли. Заживо.

— Он заслужил.

— Это не ответ. «Заслужил» — это приговор. А я о том, имеем ли мы право так поступать с другим человеком, даже если он виновен.

Мануэль посмотрел на него долгим взглядом.

— В войсках, — сказал он, — я видел раненых, которые умирали в муках. Днями, неделями. Гангрена, жар, боль. Иногда, когда уже ничего нельзя было сделать, я... помогал им уйти. Быстрее. Легче. Это было не убийство. Это было

милосердие.

— А казнь — милосердие?

— Казнь — это наказание. И оно должно быть таким, чтобы другие помнили. Если бы мы просто повесили его, через месяц все забыли бы. А так — помнят. И следующий, кто захочет торговать детьми, подумает дважды.

Диего промолчал. В логике Мануэля было что-то неуловимо правильное, но внутри все равно скребло.

Хуан, ехавший сзади и слышавший разговор, подал голос:

— А я думаю, что все правильно. Я видел тех детей. Они до сих пор по ночам кричат. Мне... — он запнулся, — мне до сих пор снятся эти клетки.

— У тебя рука, — сказал Диего, чтобы перевести тему.

— Заживает, — Хуан дернул плечом и поморщился. —

Мануэль сказал, через неделю снимет швы.

— Правильно сделал, что иглу прокалил, — Мануэль кивнул. — Я теперь всегда так делаю. Раны чище, гноя меньше.

— Не я придумал, — сказал Диего. — В книгах читал.

— В каких? — спросил Педро.

— В старых. В монастыре.

Педро хмыкнул, но продолжать не стал. Он уже привык, что Диего иногда говорит странные вещи, и перестал обращать на это внимание. В конце концов, каждый имеет право на свои причуды. А то, что этот молодой послушник знает больше, чем положено, и мыслит иначе, чем все вокруг, — так это, может быть, и к лучшему. Не будь его, они бы не

нашли ту пещеру, не спасли бы детей.

Дорога вилась между невысокими холмами. Солнце поднималось выше, становилось теплее. Диего расстегнул верхнюю пуговицу рясы, впуская свежий ветер.

— А ты, Педро, — спросил он, — много казней видел?

Старый солдат задумался.

— Много. Сотни. На войне — одни, в городе — другие. Но все они одинаковы. Человек умирает, а другие смотрят.

— И как ты к ним относишься?

— Как к работе. Преступник должен быть наказан. Если его не наказать, он будет делать дальше. А если делать дальше — пострадают другие. Я за других. — Он помолчал. — А ты за других?

— Тоже.

— Тогда не мучай себя. Мы сделали то, что должны были. И сделали хорошо.

Диего кивнул, хотя внутри оставалось чувство, что он не до конца с этим согласен. Может быть, потому что в его прошлой жизни преступников не сжигали. Может быть, потому что он сам подписал приговор, сам нашел улики, сам привел палача. Или потому, что в дневнике Лекаря было написано про него: «Тот, кто пришел из ниоткуда».

Он вспомнил. Запах озона в зале суда, когда выносили приговор. Чёрную мантию судьи. Слово «пожизненно». А потом — обжалование, апелляции, годы. Здесь всё решалось за месяц. И костёр был не метафорой. *Я подписал ему*

смертный приговор, — подумал Диего. *Своей подписью. Своими руками.* Он посмотрел на свои ладони, сжимающие поводья. Они не дрожали. Это пугало больше всего.

Он вспомнил ту ночь, когда читал дневник. Записи, сделанные мелким, аккуратным почерком. Описания экспериментов. Поиски «ключа». И последняя фраза: «Если я пойму, как он попал сюда, я смогу открыть дверь».

Лекарь знал. Знал, что Диего не отсюда. Знал и хотел повторить его путь. А может, уже пробовал. И те, кто лежал на его столах, были не просто жертвами — они были подопытными.

— О чем задумался? — спросил Мануэль, подъезжая ближе.

— О Лекаре.

— Он мертв.

— Он ушел. Мы не нашли тело.

— Никто не мог там выжить.

Диего посмотрел на него.

— А если мог? Если он знал, что мы придем, и приготовил себе путь?

Мануэль усмехнулся.

— Тогда мы его найдем. И тогда я закончу то, что начал.

— Ты тоже не спишь по ночам?

— Я сплю всегда. Потому что знаю: если он жив, он объявится. Такие, как он, не могут жить тихо.

Педро, слышавший разговор, подал голос:

— А если не объявится? Если ушел и больше не вернется?

— Тогда будем искать, — сказал Диего. — У нас есть его дневник. Там написано про другие лаборатории. В Риме, Париже, Константинополе.

— Это далеко, — заметил Хуан.

— Это не важно, — ответил Диего. — Если он жив, мы его найдем. Где бы он ни был.

Они замолчали. Солнце поднялось уже высоко, и дорога пошла вниз, к небольшому ручью, за которым виднелась рощица. Педро привстал на стременах, огляделся.

— Там, за рощей, таверна. Можем остановиться, перекусить. Лошадей напоить.

— Договорились, — сказал Диего.

Таверна оказалась небольшой, из серого камня, с покосившейся вывеской, на которой было написано что-то неразборчивое. Хозяин — толстый мужик с красным лицом и хитрыми глазами — встретил их на пороге.

— Проходите, проходите! Чего желаете? Похлебка есть, хлеб свежий, вино хорошее.

— Похлебку и хлеб, — сказал Педро. — И сена лошадям.

— Сделаем.

Они сели за стол в углу, подальше от других посетителей. В зале было несколько человек — двое возчиков, судя по одежде, да старик, который что-то жевал, глядя в одну точку.

Хуан разлил похлебку по мискам, разломил хлеб. Диего взял кусок, но есть не спешил. Смотрел на огонь в очаге и ду-

мал о том, что впереди — два дня пути до деревни Сан-Педро-де-лас-Куэвас, где, по словам Торквемады, объявилась новая секта. «Братство чистой веры», называли они себя. Говорят, что церковь продалась дьяволу, что только они знают истинный путь. Уже три деревни перешли под их влияние, и местный священник бежал, бросив прихожан.

Диего вспомнил лжепророка из Санта-Мари. Тот хотя бы лечил людей, пусть и брал за это деньги. А эти — что они делают? Собирают детей, по слухам. И деньги. И оружие.

— Ешь, — сказал Педро. — Дорога дальняя, силы нужны.

Диего послушно отхлебнул похлебку. Жидкая, с кусочками овощей и — на удивление — мяса. Хозяин, видимо, решил, что гости могут заплатить.

— Хозяин, — позвал он, когда тот проходил мимо. — Далеко ли до Сан-Педро?

Мужик остановился, лицо его стало настороженным.

— А вам туда зачем?

— По делам.

— Не советовал бы, — хозяин понизил голос. — Там теперь... беспокойно.

— Что значит — беспокойно?

— А то и значит. Люди пропадают. Детей забирают. А те, кто остается, говорят, что это во имя веры. Что Бог велит очищаться.

— Вы сами видели?

— Я туда не хожу, — хозяин перекрестился. — И вам не

советую.

Он ушел, оставив их додумывать.

Педро отложил ложку.

— Слышал? Детей забирают.

— Слышал, — Диего сжал кулак. — Опять дети.

— Может, тот же почерк? — спросил Хуан.

— Может. А может, другой. Узнаем на месте.

Мануэль, молчавший все время, поднял голову.

— Если это он, — сказал он, имея в виду Лекаря, — то он знает, что мы идем.

— Откуда?

— Из дневника. Он писал, что хочет встретиться. Может, это приглашение.

Диего помолчал.

— Тогда надо быть готовыми.

— Мы готовы, — сказал Педро, похлопав по дубине, при-
тороченной к седлу.

— Это не ответ, — Диего покачал головой. — Если он нас
ждет, значит, у него есть план. Мы должны знать, что там,
прежде чем входить.

— Узнаем на месте, — сказал Педро. — Не первый раз.

— Не первый, — согласился Диего.

Диего посмотрел на них. Педро — старый солдат, который
видел смерть сотни раз и перестал ее бояться. Хуан — мо-
лодой, горячий, но верный. Мануэль — загадка, которую он
до сих пор не разгадал. И он сам — следователь из другого

времени, который теперь ловит убийц в пятнадцатом веке.

— Завтра на рассвете входим, — сказал он. — А сегодня — отдыхать.

Он доел похлебку, вытер губы рукавом и вышел на улицу.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровый.

Диего сел на скамью у стены, смотрел на дорогу, которая уходила в сторону Сан-Педро.

Что там? — думал он. — Очередной лжепророк? Или действительно Лекарь? Или что-то новое, чего он еще не видел?

Из таверны вышел Мануэль, сел рядом.

— Не спится?

— Не спится.

— Думаешь о завтрашнем дне?

— Думаю о том, что мы можем не вернуться.

Мануэль усмехнулся.

— Можем. А можем вернуться. Гадать бесполезно.

— А ты не гадаешь?

— Я готовлюсь. Это разное.

Они замолчали.

Где-то вдалеке кричала ночная птица. Диего думал о том, что впереди — неизвестность. Но он уже не боялся. Или боялся, но научился скрывать.

— Идем спать, — сказал он, поднимаясь. — Завтра рано вставать.

Мануэль кивнул.

Они вошли в таверну, где Педро уже договаривался с хозяином о ночлеге. Хуан сидел у очага, глядя на огонь.

Диего лег на лавку, накрылся плащом.

Сон пришел не сразу. Он думал о Лекаре, о детях, о том, что завтра они вступят на землю, где свои порядки. О том, что у него есть команда, которая пойдет за ним куда угодно.

И о том, что он, наверное, все-таки стал одним из них.

Глава 2. Чужая земля

Ночью Диего почти не спал.

Он лежал на жесткой лавке в таверне, смотрел в низкий потолок, с которого свисали пучки сушеных трав, и слушал, как за стеной возится хозяин, как похрапывает в соседней комнате Хуан, как где-то далеко лают собаки. Сон не шел. В голове крутились слова Мануэля, сказанные днем: «Разница в том, кому служит боль».

Он вспомнил свой кабинет в другой жизни. Стол, заваленный папками, кофе в пластиковом стаканчике, Людочка, которая приносила бутерброды и ворчала, что он себя не бережет. Тогда он тоже служил правде. Но тогда он не жег людей. Тогда у него были другие инструменты — протоколы, экспертизы, суды, адвокаты. А здесь — нож Мануэля и костер на площади.

Ты изменился, — подумал он. — Или не изменился, а просто стал тем, кем должен был стать в этом мире?

Ответа не было.

Под утро он забылся тяжелым сном без сновидений. Разбудил его Хуан, который уже возился с лошадьми и громко переговаривался с Педро.

— Вставай, сеньор! — крикнул молодой солдат из-за двери. — Солнце уже высоко, а мы еще на месте!

Диего сел, потер лицо. Голова гудела, но тело было готово

к новым свершениям. Он натянул рясу, вышел во двор.

Утро было серым, но теплым. Небо затянуло тучами, обещающая дождь к вечеру. Педро уже сидел в седле, покрикивал на Хуана, который никак не мог закрепить вьюк на муле. Мануэль стоял у коновязи, перебирал свою сумку — привычное занятие, от которого он не отказывался даже в дороге.

— Готовы? — спросил Диего, подходя.

— Ждем только тебя, — ответил Педро.

— Тогда едем.

Он сел в седло, и они выехали со двора. Хозяин таверны стоял на крыльце, крестился им вслед. Диего заметил это и усмехнулся про себя. В прошлой жизни он бы не обратил внимания на такой жест. Здесь он уже знал: когда человек крестится вслед, значит, он не ждет, что ты вернешься.

Дорога шла на юго-запад, постепенно поднимаясь в холмы. По обе стороны тянулись поля, засеянные пшеницей и ячменем, но урожай здесь был скудным — земля казалась выжженной, колосья торчали редкие, низкие.

— Земля не родит, — заметил Педро, оглядываясь. — Раньше здесь лучше было. А теперь...

— Что — теперь?

— Люди говорят, это проклятие. С тех пор как секта пришла, земля перестала давать урожай. Может, и правда, а может, просто год такой.

— Или секта забрала себе лучшие поля, — сказал Мануэль, подъезжая ближе.

— Или так.

Они ехали дальше. Дорога становилась уже, кустарник по обочинам — гуще. Диего заметил, что на полях почти не видно работающих крестьян, хотя время было самое подходящее для уборки.

— Людей нет, — сказал он.

— Боятся, — ответил Педро. — Или ушли. Или их забрали.

К полудню они добрались до небольшой деревушки. Но деревня оказалась пуста. Дома стояли с закрытыми ставнями, на улице не было ни души. Только пара тощих собак бегала между дворами да ветер гонял по земле сухие листья.

— Что здесь случилось? — спросил Хуан, оглядываясь.

— Ушли, — сказал Педро, привставая на стременах. —

Или ушли, или...

— Или что? — Хуан побледнел.

— Или их увели.

Диего спешил, прошел к ближайшему дому. Дверь была заперта изнутри. Он постучал — тишина. Заглянул в щель между ставнями — внутри было пусто, только на столе стояла недоеденная миска с кашей, уже засохшей.

— Ушли недавно, — сказал он. — Еда еще не протухла.

— Или не успели доесть, — добавил Мануэль, оглядываясь.

Они двинулись дальше. Солнце клонилось к закату, когда на дороге показались люди.

Сначала Диего принял их за камни — три темных силуэта на фоне выгоревшей травы. Но когда они подъехали ближе, увидел, что это женщина с двумя детьми. Они шли пешком, медленно, волоча ноги. Женщина поддерживала мальчика лет семи, который едва переставлял ноги, а девочка постарше тащила узел с вещами.

Педро натянул поводья.

— Святой отец! — крикнула женщина, увидев рясу Диего. — Помогите, ради Христа!

Диего спешился, подошел ближе. Женщина была бледная, губы потрескались, на лице — следы побоев. Дети — грязные, перепуганные, молчали, только смотрели большими глазами.

— Кто вы? — спросил Диего. — Откуда идете?

— Из Сан-Педро, святой отец, — женщина всхлипнула. — Бежали ночью. Муж сказал — бегите, пока не поздно. А сам остался. Сказал, что задержит их.

— Кого — их?

— Людей брата Себастьяна. Он теперь там главный. Говорит, что только через него спасение. Что церковь продалась дьяволу. Что мы должны отдать ему все, что имеем, и детей тоже. Детей! — она зарыдала. — наших детей!

Диего помог женщине сесть на обочине, дал воды из фляги. Дети жадно пили, обжигаясь, но не могли оторваться.

— Рассказывайте, — сказал он, когда она немного успокоилась. — Все, что знаете. — Кто такой брат Себастьян? —

спросил Диего.

Женщина посмотрела на него — как будто не поняла вопроса. Потом сглотнула.

— Пришёл три месяца назад. Или четыре. С посохом. Сказал — видение было. — Она замолчала, потёрла лицо. — Поселился у вдовы на окраине. Помогал ей. Люди к нему потянулись. Говорил красиво.

— И вы поверили?

— Мы с мужем — нет. Педро сказал: не наше дело, своя вера есть. Но другие... — Она снова замолчала. Девочка тронула её за рукав. — Потом чудеса начались. Говорили, что исцеляет. Я не видела. Но верили многие.

— Когда он потребовал детей?

— Не сразу. — Голос у неё стал совсем тихим. — Сначала деньги. Потом скот. Потом сказал — грех в нас живёт, нужно очиститься. А потом...

Она не договорила. Диего ждал.

— Тех, кто не слушался, — сказала она наконец, — их детей забирали первыми. Говорил — неверные, пусть служат Богу. А потом и всех. Мужа моего избили. Сказали — не отдашь дочь, убьют. И мы...

— Сколько детей держат там?

— Много. — Она покачала головой. — Со всей округи. В подвалах, в сараях. Что с ними делают — не знаю. Те, кто видел, молчат.

— А сам брат Себастьян — как он выглядит?

— Высокий, худой. Лицо бледное, глаза светлые, светлые. Говорит тихо, а все слушают. Руки... руки у него длинные, пальцы тонкие. Как у музыканта.

Диего переглянулся с Мануэлем. Описание совпадало. Слишком совпадало.

— Это он, — сказал Мануэль, когда они отошли в сторону. — Или его ученик.

— Но Лекарь был старше. Этот — молодой.

— Ученик. Он мог научиться. Или просто перенять его методы.

Диего посмотрел на женщину. Она сидела на земле, обнимая детей, и смотрела на него с надеждой, которая была страшнее любого отчаяния.

— Что будем делать? — спросил Педро, подходя.

— Идем в Сан-Педро, — сказал Диего. — Сегодня же.

— А они? — Педро кивнул на женщину.

— Оставим в ближайшей деревне. Если там есть кто-то живой.

— Есть, — сказала женщина, услышав разговор. — В трех лигах отсюда, вниз по дороге. Там люди, которые не пошли к брату Себастьяну. Они нас примут.

— Проводи их, — сказал Диего Хуану. — И возвращайся. Мы подождем.

— А если не найду? — спросил Хуан.

— Найдешь. Дорога одна.

Хуан кивнул, помог женщине и детям сесть на мула. Де-

вочка, которая была постарше, обернулась и сказала тихо:

— Спасите нашего отца, сеньор. Он хороший. Он не хотел отдавать меня.

— Спасем, — ответил Диего. — Обещаю.

Он смотрел, как мул медленно уходит по дороге, унося женщину и детей. Потом повернулся к своим.

Стоп.

Он остановил себя — внутренне, там, где ещё оставалось что-то от того, кем он был раньше.

Потому что только что, глядя на эту женщину с разбитым лицом, на детей с пустыми глазами, он подумал не «боже мой» и не «как такое возможно». Он подумал: двое суток до деревни, один надёжный источник, нужна ещё одна точка подтверждения. Профессионально. Методично. Как на работе.

В прошлой жизни он бы ужаснулся этим детям. Здесь — он уже составлял план.

Это должно было его пугать. Он подождал, не придёт ли страх.

Страх не пришёл.

— Теперь слушайте план. Педро и Хуан идут в деревню первыми. Как торговцы. Узнают, где что, кто такой брат Себастьян, сколько у него людей, где держат детей.

— А если нас раскроют? — спросил Хуан, возвращаясь.

— Тогда будете выкручиваться. Педро умеет.

Старый солдат усмехнулся.

— Умею.

— Мы с Мануэлем идем в обход. Ищем подходы к убежищу в горах. Если там есть пещеры или старые шахты — мы их найдем.

— А если нет? — спросил Хуан.

— Значит, придумаем что-то еще.

Педро посмотрел на Диего.

— А если это ловушка? Если нас ждут?

— Тогда тем более надо идти. Дети там, — Диего кивнул в сторону Сан-Педро. — Женщина сказала — много. Если мы уйдем за подкреплением, их могут увезти. Или убить.

— Или сделать с ними то, что делал Лекарь, — добавил Мануэль.

Педро помрачнел, но спорить не стал.

— Ладно. Бывал я в таких переделках. Прорвемся.

— Завтра на рассвете входим, — сказал Диего. — А сегодня — ищем место для ночлега.

Они нашли заброшенный дом на окраине пустой деревни. Педро обошёл дом, принялся, заглянул в щели между ставнями.

— Чисто, — сказал он. — Здесь и заночуем.

Внутри пахло сыростью и плесенью. Хуан развел костер в очаге, повесил котелок с водой. Педро достал сухари и вяленое мясо.

— Ешьте, — сказал он. — Завтра тяжелый день.

Диего взял кусок хлеба, но есть не хотелось. Он сидел у

окна, смотрел, как закат окрашивает холмы в багровый, и думал о женщине, о ее муже, который остался прикрывать семью. О детях, которые сидят в подвалах. О брате Себастьяне, который говорит тихо, а делает страшное.

— Ты веришь ей? — спросил Мануэль, садясь рядом.

— Верю. В ее глазах был страх. Такой не подделывают.

— Или она часть ловушки.

— Может быть. Но тогда зачем ей дети? Они же настоящие.

Мануэль помолчал.

— Ты прав. Дети настоящие. Это главное.

Они замолчали. Где-то за стеной возился Хуан, укладываясь спать. Педро сидел у входа, точил нож.

— Мануэль, — сказал Диего. — Ты видел таких, как брат Себастьян? До Лекаря?

— Видел. В войсках. Один был, лекарь, который резал пленных. Говорил, что ищет способ сделать солдат неуязвимыми. — Мануэль усмехнулся. — Его потом свои же убили, когда поняли, что он делает с ранеными.

— А ты? Ты бы мог стать таким?

— Мог. Не стал.

— Почему?

Мануэль посмотрел на него долгим взглядом.

— Потому что я видел, чем это кончается. Тот лекарь — его сожгли. Свои же. Сказали, что он одержим. А он просто хотел знать. Так же, как Лекарь. Как этот брат Себастьян.

— Знание не всегда зло, — сказал Диего.

— Знание — это инструмент. Как нож. Им можно резать хлеб, а можно — людей.

Диего вспомнил свои знания. Методы карантина, дедукцию, методы понимания человеческой души. Все это помогало ему здесь. Но помогало и другим — тем, кто хотел использовать знания во зло.

— Ты думаешь, брат Себастьян знает, кто я? — спросил он.

— Знает. Если он ученик Лекаря, то знает. Может, поэтому он здесь.

— Ждет нас?

— Или тех, кто придет за ним.

Диего помолчал.

— Тогда надо быть осторожнее.

— Надо, — согласился Мануэль. — Но детей все равно надо спасать.

Он встал, подошел к очагу, подбросил дров.

— Спи. Завтра рано вставать.

Диего лег, накрылся плащом. Сон не шел. Он смотрел на огонь и думал о завтрашнем дне. О том, что они увидят в Сан-Педро. О том, что брат Себастьян, возможно, знает о нем больше, чем он сам.

В углу бормотал во сне Хуан. Педро сидел у двери, не смыкая глаз. Мануэль стоял у окна, глядя в темноту.

Диего закрыл глаза.

Себастьян знает, кто я, — думал он. — Значит, завтра мы идем не к нему. Мы идем к Лекарю.

Глава 3. Внутри зверя

Утро в горах наступило поздно.

Солнце пробивалось сквозь облака только к восьмому часу, и даже тогда свет был серым, негреющим. Диего сидел у входа в заброшенный дом, кутался в плащ и смотрел, как Педро и Хуан готовятся к выходу. Старый солдат натянул поверх куртки засаленный кожаный плащ, какой носят странствующие торговцы, приторочил к седлу несколько пустых мешков — для убедительности. Хуан возился с мулом, проверяя выюк, и то и дело оглядывался на Диего, будто ждал, что тот передумает.

— Запомните, — сказал Диего, подходя ближе. — Вы торговцы из Севильи. Едете в горы за шерстью. О секте ничего не знаете, слышали только, что здесь есть люди, которые могут помочь с ночлегом.

— А если спросят, откуда мы? — спросил Хуан.

— Из Севильи, я сказал. Район Трианы, торгуете сукном. Имена — Педро и Хуан. Много не болтай.

— А если спросят, почему мы здесь одни, без охраны?

— Потому что дороги здесь тихие, — усмехнулся Педро. — Или потому что мы дураки. И то и другое сойдет.

Диего посмотрел на старого солдата. Педро выглядел спокойным, даже скупающим, но Диего знал: перед выходом он всегда проверял оружие, пересчитывал стрелы, осматривал

подковы лошадей. Сейчас все это было сделано.

— Если что-то пойдет не так, — сказал Диего, — не геройствуйте. Ждите. Мы с Мануэлем будем рядом.

— А если вас раньше найдут? — спросил Хуан.

— Не найдут, — ответил Мануэль, появляясь из-за угла.

— Я знаю, где прятаться.

Он был одет по-другому — не в свою обычную тунику, а в простую крестьянскую одежду, которую нашел в одном из домов. На поясе — нож и неизменная сумка с инструментами, прикрытая сверху тряпьем.

— Ты похож на браконьера, — заметил Педро.

— Я и есть браконьер, — Мануэль усмехнулся. — Если спросят.

Они обменялись короткими кивками. Педро и Хуан сели на лошадей, вывели мула за повод и двинулись по дороге вниз, к деревне, которая виднелась в долине. Диего смотрел им вслед, пока фигуры не растворились в утренней дымке.

— Пойдем, — сказал Мануэль. — Нам туда.

Он показал на крутой склон, поросший кустарником и низкорослыми дубами. За ним, по словам беженки, начинались пещеры — старые шахты, где раньше добывали железо, а теперь, по слухам, сектанты устроили склад.

Тропа, на которую они вышли, была едва заметна — узкая, заросшая, местами осыпавшаяся. Мануэль шел впереди, ступая осторожно, то и дело останавливаясь, чтобы осмотреть землю, кусты, камни.

— Здесь ходили, — сказал он, наклоняясь. — Недавно.

Видишь, трава примята, но еще не поднялась.

— Много?

— Человек пять-шесть. И тяжелый груз. Может, припасы. Может, детей везли.

Диего скрипнул зубами. Он вспомнил женщину, которая говорила о подвалах, о детях, которых забирают. О муже, который остался прикрывать семью.

— Идем дальше, — сказал он.

Чем выше они поднимались, тем гуще становился лес. Дуб сменялся сосной, сосна — скальными выходами, покрытыми мхом и лишайником. Воздух стал холоднее, пахло смолой и прелой листвой. Где-то внизу, в долине, раздавался лай собак, но здесь, наверху, было тихо. Слишком тихо.

Мануэль остановился, поднял руку.

— Слышишь?

Диего прислушался. Сначала ничего, только ветер в ветвях. Потом — далекий стук. Металлический, глухой. Как будто кто-то бил по камню.

— Шахта, — сказал Мануэль. — Там.

Они двинулись на звук.

Пещера оказалась замаскированной. Вход — низкая арка, заваленная камнями и хворостом, — был замечен только если знать, куда смотреть. Мануэль раздвинул ветки, заглянул внутрь.

— Темно, — сказал он. — Но воздух идет. Там есть ход.

Они вошли. Сначала пришлось идти согнувшись, потом свод поднялся, и можно было выпрямиться. Стены были влажными, скользкими, с них свисали космы мха. В нос ударил запах сырости, плесени и еще чего-то кислого, тошнотворного.

Мануэль чиркнул кресалом, зажег небольшой факел — сухую ветку, обмотанную пропитанной смолой тряпкой. Свет выхватил из темноты каменные стены, неровный пол, уходящий вглубь.

— Смотри, — сказал он, наклоняясь.

На земле были следы. Много следов — сапоги, сандалии, босые ноги. И колеи — узкие, как от телеги.

— Детей везли, — сказал Мануэль. — Видишь, колея мелкая, телега легкая.

Диего молча кивнул.

Они пошли дальше. Коридор извивался, иногда расширяясь до размеров небольшого зала, иногда сужаясь так, что приходилось пролезать боком. Стены здесь были глаже — следы человеческой работы, старые инструменты, забытые в нишах.

Запах становился сильнее. Кислый, сладковатый, с привкусом металла. Диего знал этот запах. В прошлой жизни он чувствовал его в моргах, в подвалах, где держали заложников.

— Здесь, — сказал Мануэль, останавливаясь.

Перед ними был зал. Большой, круглый, с высоким сво-

дом. В центре — длинный каменный стол, похожий на операционный. Вокруг — полки с банками, склянками, инструментами. В углу — клетки. Железные, с запертыми дверцами. В одной из них — куча тряпья. В другой — пусто. В третьей — маленькая рука, свешивающаяся между прутьев.

Диего шагнул вперед, но Мануэль схватил его за рукав. — Тихо. Здесь кто-то есть.

Они замерли. Сначала ничего. Потом — шорох. В дальнем углу, за клетками, что-то зашевелилось.

Мануэль двинулся туда, ступая бесшумно, с ножом наготове. Диего — за ним.

За клетками был проход, завешенный грязной тряпкой. Мануэль отодвинул ее — и замер.

— Господи, — выдохнул он.

Диего заглянул через плечо.

За тряпкой было второе помещение, меньше первого. Там, на соломе, лежали дети. Человек шесть, от пяти до двенадцати лет. Связанные, с кляпами во рту. Глаза у всех были открыты — смотрят, но не видят. Только одна девочка, самая старшая, посмотрела на Диего и забилась, замычала сквозь кляп.

— Тихо, тихо, — сказал Диего, подходя. — Мы здесь, чтобы помочь.

Он начал развязывать веревки. Руки дрожали. Веревки были тугие, узлы затянуты так, что впивались в кожу.

Мануэль тем временем осматривал комнату. Нашел в углу

кувшин с водой, несколько корок хлеба, глиняную миску с остатками каши. И дневник. Тонкую тетрадь в кожаном переплете, лежащую на камне рядом с клетками.

— Это, — сказал он, протягивая Диего. — Посмотри.

Диего взял дневник, раскрыл. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком. Почерк был незнакомым, но манера изложения — сухая, деловитая, с обилием цифр и дат — напоминала дневник Лекаря.

«День первый. Получено три объекта. Два — мальчики, один — девочка. Возраст: 7, 9, 11 лет. Объекты доставлены в удовлетворительном состоянии. Начало наблюдения».

Диего перелистнул страницу.

«День третий. Объект №3 (девочка, 11 лет) проявила признаки беспокойства. Пришлось связать. Питание принимает плохо. Продолжаем наблюдение».

— Это не Лекарь, — сказал он. — Почерк другой. Но стиль — тот же.

— Ученик, — кивнул Мануэль. — Или последователь.

«День седьмой. Объект №1 (мальчик, 7 лет) начал реагировать на препарат. Зрачки расширены, дыхание учащенное, пульс нитевидный. Продолжаем наблюдение».

Диего закрыл дневник. Руки тряслись. Он посмотрел на детей — они сидели на соломе, перепуганные, грязные, исхудавшие. Та девочка, что смотрела на него, уже успокоилась, но не отводила глаз.

— Надо их выводить, — сказал он. — Сейчас.

— Нельзя, — Мануэль покачал головой. — Если мы выведем их сейчас, они будут нам мешать. И мы не сможем помочь остальным.

— Каким остальным?

— Тем, что в деревне. Женщина говорила, детей много. Эти — только те, кого привезли сюда. Остальные — в подвалах, в домах.

Диего хотел возразить, но понял: Мануэль прав. Если они сейчас поведут детей через лес, то потеряют время. И могут наткнуться на сектантов.

— Тогда оставим их здесь. Вернемся за ними после того, как...

Он не договорил. Сзади, со стороны входа, раздались голоса.

Мануэль рванул к выходу, выглянул за угол.

— Трое, — сказал он шепотом. — С факелами. Идут сюда.

Диего огляделся. Выход из пещеры был один — тот, через который они вошли. Второго хода не было.

— Прячем детей, — сказал он. — И сами прячемся.

Они торопливо задвинули детей в угол, накинули на них тряпье. Девочка, которая смотрела на Диего, поняла — замерла, прижав к себе младшего. Диего шепнул:

— Молчите. Что бы ни случилось — молчите.

Они с Мануэлем отступили в глубину второй комнаты, за клетки. Мануэль погасил факел, прижал Диего к стене.

— Стой здесь, — шепнул он. — Не выходи.

Сам шагнул вперед, к проходу, завешенному тряпкой. В руке — нож.

Голоса приближались.

— ...говорю тебе, надо было сразу их всех вниз отправить.

Учитель будет недоволен.

— Учитель занят. У него сейчас те двое, торговцы. Говорит, подозрительные они.

— Все ему подозрительные.

— Заткнись. Если услышит...

— Не услышит. Он с этими торговцами.

Они вошли в первый зал. Диего слышал, как стучат их шаги по камню, как звякает металл — кто-то из них нес что-то тяжелое.

— Куда их дели? — спросил первый голос.

— В малую. Там место есть.

— Проверь.

Шаги направились к проходу.

Мануэль отступил в тень, вжался в стену. Тряпка отодвинулась, и в проеме показался человек — молодой, лет двадцати, с грубым лицом и тяжелыми руками. В одной руке он держал факел, в другой — дубину.

Он шагнул внутрь, поднял факел, осветил клетки.

— Пусто, — сказал он кому-то сзади. — Все внизу, наверное.

Он уже поворачивался, чтобы уйти, когда заметил кувшин с водой, стоящий не на месте.

— Эй, — сказал он, насторожившись. — Кто здесь был? Мануэль шагнул из тени.

Диего не видел, что произошло — только хрип, короткий и влажный, и звук оседающего тела. Потом тишина.

— Эй! — крикнули из первого зала. — Ты чего там?

Второй появился в проеме через секунду. Увидел что-то на полу. Раскрыл рот — но Мануэль уже двигался, и звук так и не вышел. Глухой удар, второй хрип, и снова тишина.

Диего стоял, не дыша. В темноте пахло железом.

Третий, видимо, понял, что что-то не так, потому что вместо того, чтобы лезть в проход, он рванул к выходу из пещеры. Диего слышал, как гремят его шаги, как он кричит, зовет на помощь.

— Уходит, — сказал он.

— Не уйдет, — ответил Мануэль и бросился следом.

Диего остался один.

Он стоял в темноте, прислушиваясь к крикам, которые становились все тише. Потом раздался звук — глухой удар, и все стихло.

Он подождал, считая про себя. Двадцать. Сорок. Шестьдесят.

В проеме появился Мануэль. Руки его были в крови, но лицо спокойно.

— Все, — сказал он. — Третий не ушел.

— Он кричал.

— Кричал. Но здесь никто не услышит. Шахта глубокая.

Диего выдохнул, прислонился к стене. Руки дрожали, но он заставил себя успокоиться.

— Теперь надо уходить, — сказал Мануэль. — Пока не пришли другие.

— А дети?

— Детей оставим здесь. В шахту никто не полезет до утра — они побоятся. А утром мы вернемся.

— А если придут?

— Не придут. Трое не вернулись — значит, они подумают, что те дезертировали. Или что их кто-то убил, но не полезут проверять в темноте.

Диего посмотрел на детей. Они сидели в углу, прижавшись друг к другу, и смотрели на него. Девочка, которая была старше, обнимала младшего мальчика и беззвучно плакала.

— Мы вернемся, — сказал Диего. — Обещаю.

Они вышли из пещеры, завалили вход ветками, как было, и двинулись вниз по склону. Стемнело уже совсем — пришлось идти почти на ощупь, держась за ветки, чтобы не оступиться.

— Теперь к деревне, — сказал Мануэль. — Нужно узнать, что с Педро и Хуаном.

Деревня Сан-Педро-де-лас-Куэвас открылась перед ними внезапно — огни в окнах, лай собак, запах дыма. Они залегли за гребнем холма, откуда было видно все.

Деревня выглядела мирно. Дома из серого камня, крытые

соломой, улица, в конце которой — церковь. На площади перед церковью горел костер, вокруг сидели люди. Кто-то ел, кто-то молился, кто-то просто смотрел на огонь.

— Похоже на обычную деревню, — сказал Диего.

— Похоже, — согласился Мануэль. — Но это не так.

— Где Педро?

— Не вижу.

Они лежали на склоне, всматриваясь в темноту. Вдруг из дома напротив церкви вышли люди — двое в темных одеждах, с посохами в руках. За ними — Педро и Хуан. Руки у них были связаны за спиной, лица разбиты.

— Они их взяли, — сказал Диего, и внутри все сжалось от глухой, тяжелой ярости.

— Живые, — ответил Мануэль. — Пока живы.

Педро и Хуана повели к церкви. У входа их остановил человек в белой одежде — высокий, худой, с длинными светлыми волосами, падающими на плечи. Он что-то сказал стражникам, те кивнули и увели пленников внутрь.

— Брат Себастьян, — сказал Мануэль. — Похоже, это он.

— Что будем делать? — спросил Диего.

— Ждать. Ночью они не будут их допрашивать. А утром...

— Утром может быть поздно.

— Утром мы будем знать, где их держат. И что делать.

Диего хотел возразить, но понял: Мануэль прав. Сейчас, в темноте, с двумя пленниками на руках, они не смогут ничего сделать. Нужно ждать.

Они отползли назад, в лес, нашли место, где можно было переждать ночь. Диего сидел, прислонившись к стволу сосны, и смотрел на огни деревни.

— Ты веришь, что они выживут? — спросил он.

— Педро выживет, — ответил Мануэль. — Он старый солдат, его не сломать. А Хуан... Хуан будет держаться.

— А если нет?

Мануэль посмотрел на него.

— Тогда мы пойдем за ними. И заберем.

Диего кивнул.

Они замолчали. Где-то внизу, в деревне, завывала собака. Диего смотрел на огни в окнах деревни. Там, за стеной, были Педро и Хуан. Живые — пока. Он достал нож, провел большим пальцем по лезвию. Тупой. Надо поточить. Есть время до рассвета.

Глава 4. Глаза в глаза

Ночь в лесу тянулась бесконечно.

Диего сидел, прислонившись к стволу сосны, и смотрел на огни деревни внизу. Костер на площади почти погас, только красные угли тлели в темноте, и иногда над ними вспыхивали искры, улетая в черное небо. В домах погасли огни один за другим. Только в церкви горели свечи — их свет пробивался сквозь узкие окна, ложился на каменные ступени, на площадь.

— Не спишь? — спросил Мануэль.

Он сидел рядом, на корточках, прислонившись спиной к камню. В темноте его лица было не разглядеть, только голос — спокойный, ровный, как всегда.

— Не спится.

— Думаешь о них?

— Думаю. И о детях в пещере. И о том, что мы упустили время.

— Мы не упустили. Мы узнали, где их держат. Узнали, кто здесь главный. Это уже много.

Диего промолчал. В словах Мануэля была логика, но внутри все равно скребло. Педро и Хуан в плену. Дети в клетках. А он сидит здесь, в безопасности, и ждет утра.

— Когда рассвет?

— Часа через три, — Мануэль посмотрел на небо. —

Звезды уже низко.

— Успеем?

— Успеем. Если будем действовать быстро.

Диего кивнул, хотя в темноте этого не было видно.

Он закрыл глаза, пытаясь представить план. Вход в пещеру они знали. Детей можно вывести через лес, если не нарваться на сектантов. Педро и Хуан — в церкви, это сложнее. Нужно отвлечь внимание, создать шум, чтобы увести охрану.

— Мануэль, — сказал он. — У тебя есть что-то, чем можно взорвать? Или поджечь?

— Есть. Сера, селитра, уголь. Я всегда ношу с собой. — Мануэль помолчал. — Но зачем?

— Сделаем шум. С другой стороны деревни. Чтобы они побежали туда.

— А если побегут не туда?

— Тогда будем импровизировать.

Мануэль усмехнулся.

— Ты учишься, Диего. Начинаешь думать, как солдат.

— Я всегда так думал. Просто раньше у меня были другие инструменты.

Они замолчали. Где-то внизу, в деревне, прокукарекал петух — рано, наверное, испугался чего-то. Или просто время пришло.

— Пора, — сказал Мануэль, поднимаясь.

Он достал из сумки плоскую кожаную торбу — Диего ви-

дел её вчера вечером, когда Мануэль долго возился у огня, что-то отмеряя на ощупь, подальше от пламени. Теперь внутри лежали три туго завязанных мешочка. Мануэль взял один осторожно, двумя пальцами, развязал над тряпицей. Серый порошок, пахнувший серой и чем-то кислым.

— Смешал ещё ночью, — сказал он, не глядя на Диего. — Соотношение важно. Если не угадать — просто вонять будет, а не гореть.

Он завернул тряпицу, затянул узел.

— Хватит, чтобы дым пошел, — сказал он. — Гореть будет недолго, но шуму много.

— Дай два.

— Два так два.

Диего взял тряпицу, сунул за пазуху.

Они двинулись вниз, к деревне.

Лес здесь был гуще, ближе к домам деревья стояли плотно, ветви переплетались, создавая живой полог. Под ногами хрустели сухие ветки, но Мануэль шел бесшумно, ступая точно на те места, где не было листвы. Диего старался подражать, но получалось плохо.

— Тихо, — шепнул Мануэль, когда они вышли на опушку.

Деревня была в нескольких десятках шагов. В церкви все еще горели свечи, но света едва хватало, чтобы осветить площадь. У входа стояли двое — опершись на копья, они клевали носом, но не спали.

— Охрана, — сказал Диего.

— Двое. Остальные, наверное, внутри.

— Педро и Хуан там?

— Должны быть. Туда их увели.

Диего посмотрел на церковь. Каменная, старая, с узкими окнами и тяжелой дубовой дверью. Внутри, наверное, темно и сыро, как в любой деревенской церкви. Но сейчас там держали его людей.

— Идем к пещере, — сказал Мануэль. — Сначала дети. Потом — наши.

— А если они услышат шум и переведут Педро и Хуана?

— Не переведут. Им нужны живые. Чтобы допросить. Чтобы узнать, кто их послал.

Диего хотел возразить, но Мануэль уже двинулся вдоль опушки, обходя деревню стороной. Пришлось идти следом.

Пещера была там же, где они ее оставили. Вход завален ветками, камни на месте. Мануэль раздвинул хворост, прислушался.

— Тихо, — сказал он. — Заходим.

Внутри было темно. Они шли на ощупь, держась за стены, пока Мануэль не зажег трут. Слабый свет выхватил из темноты каменный свод, пол, уходящий вглубь, и — клетки.

— Дети, — сказал Диего.

Они были там же, где он их оставил. В углу, на соломе, сбившись в кучу. Девочка, которая смотрела на него в прошлый раз, подняла голову, увидела свет и замерла.

— Тихо, — повторил Мануэль. — Мы здесь, чтобы за-

брать вас. Но нужно молчать. Поняла?

Девочка кивнула. Она обернулась к остальным, что-то шепнула. Дети затихли, только один мальчик всхлипнул, но быстро замолчал.

Диего дернул замок. Тот не поддался. Мануэль молча вставил лезвие ножа в скважину, нажал. Замок хрустнул и открылся.

— Выводи их, — сказал он. — Я проверю, нет ли кого еще.

Диего взял девочку за руку, вывел из клетки. Она была легкой, как перышко, и холодной. За ней — мальчик, потом еще один. Всего шестеро. Они шли, спотыкаясь, держась друг за друга, и смотрели на Диего с надеждой, которая была страшнее любого крика.

— Все, — сказал Мануэль, выходя из второй комнаты. — Больше никого.

Диего пересчитал. Шестеро. Трое мальчиков, три девочки.

— Выводим.

Они двинулись к выходу. Дети шли молча, только девочка, которая была старше, шептала что-то мальчику, державшему ее за руку.

На выходе Диего остановился.

— Теперь — деревня, — сказал он. — Ты зажигаешь фитили с двух сторон. Я жду у церкви.

— Один?

— Со мной дети. Не брошу же я их здесь.

Мануэль посмотрел на него, на детей, на деревню внизу.

— Жди у забора, за конюшней. Оттуда видно вход в церковь. Как только начнется шум, я пойду внутрь.

— А если они не уйдут?

— Уйдут. Увидят огонь — побегут смотреть. Люди всегда бегут на огонь.

Мануэль ушел в темноту. Диего остался с детьми.

Они сидели на земле, прижавшись друг к другу, и смотрели на него. Девочка, которую он вывел первой, не отводила глаз.

— Как тебя зовут? — спросил он шепотом.

— Елена, — ответила она.

— Сколько тебе, Елена?

— Десять. А это мой брат, — она показала на мальчика, который держал ее за руку. — Томас. Ему семь.

— Вы из этой деревни?

— Да. Нас взяли, когда папа не отдал то, что просил брат Себастьян. Папу убили, а нас... — она замолчала, глядя в землю.

Диего стал предельно серьезным.

— Мы вас выведем. Обещаю.

— А Педро и Хуан? — спросил вдруг мальчик, Томас. — Вы их тоже спасете?

Диего замер.

— Откуда ты знаешь их имена?

— Они приходили в деревню. Дядя Педро дал мне хлеб. А потом их забрали. Я видел.

Диего посмотрел на мальчика. Тот смотрел прямо, не отводя глаз.

— Спасем, — сказал Диего. — Всех спасем.

Сзади, с другой стороны деревни, раздался взрыв. Земля дрогнула, в небо взметнулся столб искр, и тут же вспыхнул огонь — яркий, высокий, как будто горел целый дом.

— Сиди здесь, — сказал Диего детям. — И не высовывайтесь.

Он рванул к деревне.

На площади уже было людно. Люди выбегали из домов, кричали, показывали на огонь. Охранники у церкви переглянулись, один из них побежал к месту пожара, второй остался, но явно колебался.

— Там! — крикнул кто-то. — Горит!

— Бегите, чего стоите!

Второй охранник, не выдержав, тоже побежал. Церковь осталась без присмотра.

Диего скользнул к входу, толкнул дверь. Тяжелая, дубовая, она поддавалась с трудом, но внутрь можно было войти.

В церкви было темно. Горели только свечи у алтаря, и их света едва хватало, чтобы разглядеть скамьи, темные стены, распятие над алтарем.

— Педро! — крикнул Диего шепотом. — Хуан!

Никто не ответил. Он прошел вперед, к алтарю, заглянул

за него. Там была дверь — низкая, деревянная, запертая на засов.

Он отодвинул засов, толкнул дверь.

За ней была лестница, уходящая вниз. Темно, сыро, пахло землей и плесенью. Диего шагнул на первую ступеньку — она скрипнула, и внизу что-то зашевелилось.

— Кто там? — раздался голос Педро.

— Я, — сказал Диего, спускаясь. — Диего.

Он спустился в подвал. Здесь было еще темнее, чем наверху, но в углу горел масляный светильник, и при его свете он увидел Педро и Хуана. Они сидели на земле, связанные. Педро выглядел спокойным, даже скучающим, Хуан — бледным, с разбитой губой и подбитым глазом.

Диего подошел к Педро.

— Живы?

— Живы, — прохрипел старый солдат. — А ты как здесь?

— Мануэль устроил пожар. Охрана сбежала.

— Один?

— Один. Детей нашел. Шестеро. Вывел.

Педро усмехнулся.

— Молодец. Развяжи нас, быстро.

Диего начал развязывать веревки. Узлы были тугие, но он справился.

— А Хуан? — спросил он.

— Хуан — молодец, — сказал Педро, растирая запястья.

— Не сдался. Не сказал ничего.

Хуан, освобожденный, сел, потер руки.

— Я ничего и не знал, — прохрипел он. — Сказал им, что мы торговцы. Не поверили, но и правды не выбили.

— Брат Себастьян? — спросил Диего.

— Он, — кивнул Педро. — Говорит тихо, глаза светлые, пальцы длинные. Твой Лекарь, только молодой.

— Ученик, — сказал Диего. — Учился у него.

— Он знает, кто ты, — сказал Хуан. — Спрашивал про тебя. Где ты, сколько тебя, откуда. Мы сказали, что не знаем. Он не поверил.

— Он знает, — повторил Диего. — У нас есть его дневник. Он пишет, что я... — он замолчал.

— Что ты? — спросил Педро.

— Потом. Сначала выбираемся.

Он помог Хуану подняться. Тот пошатнулся, но устоял.

— Рука? — спросил Диего.

— Нормально, — Хуан дернул плечом и поморщился. — Стерплю.

Они двинулись к выходу.

На лестнице Диего остановился.

— Тихо, — сказал он. — Наверху кто-то есть.

Они замерли. Сверху доносились голоса — негромкие, спокойные. И шаги. Кто-то вошел в церковь.

— ...уходите, — говорил один голос. — Все смотрят на пожар, а здесь пусто.

— Учитель будет недоволен, — отвечал другой.

— Учитель занят. Ему сейчас не до нас.

Диего поднялся на несколько ступенек, выглянул.

В церкви, у алтаря, стояли двое. Один — молодой, в темной одежде, с мечом на поясе. Второй — высокий, худой, в белой одежде. Светлые волосы падали на плечи. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на алтарь.

— Брат Себастьян, — шепнул Диего.

— Он, — подтвердил Педро сзади.

— Что делать?

— Ждать, — сказал Мануэль.

Диего вздрогнул. Он не слышал, как Мануэль подошел. Тот стоял за его спиной, в руке — нож.

— Как ты...

— Потом, — Мануэль кивнул в сторону церкви. — Сейчас главное — они.

— Двое. Один с мечом, второй...

— Второй опаснее.

Они ждали. Брат Себастьян повернулся к выходу, что-то сказал своему спутнику. Тот кивнул и вышел.

Себастьян остался один.

Он постоял у алтаря, потом повернулся и посмотрел прямо на дверь, за которой прятался Диего.

— Выходи, — сказал он. — Я знаю, что ты здесь.

Диего замер.

— Выходи, — повторил Себастьян. — Я не собираюсь тебя убивать. Если бы хотел — вы бы не дошли до подвала.

Диего взглянул на Мануэля. Тот покачал головой — не выходит.

— Ты думаешь, что я ловушка? — усмехнулся Себастьян.
— Может быть. Но если ты не выйдешь сейчас, твои люди не выйдут никогда. В деревне два десятка моих воинов. Они скоро вернуться.

Диего шагнул вперед.

— Диего! — шепнул Мануэль.

— Он прав. Если мы не поговорим сейчас, мы не выйдем.

Он вышел из-за двери.

Себастьян смотрел на него с интересом. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, и в них не было злобы. Только любопытство.

— Диего де Альмасан, — сказал он. — Или вы предпочитаете другое имя?

— Это имя мне подходит.

— Учитель говорил, что вы... не отсюда. Что вы пришли из другого времени. Это правда?

Диего промолчал.

— Не хотите говорить? Понимаю. Я бы тоже не хотел. Но Учитель думает иначе. Он считает, что вы — ключ.

— Ключ к чему?

— К двери. К той, что открывается между мирами. Он искал ее всю жизнь. И нашел — в вас.

— Я не ключ. Я просто человек.

— Вы так думаете? — Себастьян усмехнулся. — Учитель

говорил, что вы будете так думать. Он говорил, что вы еще не поняли, кто вы. Но поймете. Когда придет время.

— Где он? — спросил Диего. — Где Лекарь?

Себастьян посмотрел на него долгим взглядом.

— Он там, где должен быть. Ждет. Готовится. Вы встретитесь, когда придет время.

— Я найду его раньше.

— Найдете? — Себастьян покачал головой. — Вы даже не знаете, где искать. А он знает, где вы. Всегда.

Сзади, со стороны площади, раздались крики. Кто-то звал на помощь, кто-то кричал, что пожар потушили.

— Вам пора, — сказал Себастьян. — Ваши люди ждут. И дети — их тоже надо выводить, пока мои воины не вернулись.

— Зачем ты нас отпускаешь?

Себастьян посмотрел на него с чем-то похожим на раздражение.

— Потому что Учитель запретил тебя трогать. — В голосе его скользнуло что-то живое — не злость, но близко к ней. — Ты нужен ему живым. Иначе я бы не разговаривал с тобой здесь. — Он отвернулся к алтарю. — Иди. Пока его приказ в силе. Он повернулся к алтарю и замер, глядя на распятие.

Диего шагнул назад, к двери.

— Диего, — окликнул его Себастьян, не оборачиваясь. — Передайте Мануэлю... Учитель ждет его. Он говорит, что у него есть то, что может вылечить старую рану. Боль, которая

не проходит.

Диего замер.

— Передам, — сказал он и вышел.

Они выбрались из церкви, пересекли площадь, нырнули в проулок. Педро поддерживал Хуана, Мануэль шел впереди, проверяя дорогу.

— Дети? — спросил Педро.

— Там, — Диего показал на опушку. — Ждут.

Дети сидели там же, где он их оставил. Елена, увидев его, вскочила.

— Мы думали, вы не вернетесь! — сказала она.

— Вернулись. Теперь — уходим.

Они двинулись в лес. Дети шли молча, только тяжело дышали — сил у них было мало. Диего взял Томаса на руки, мальчик обхватил его за шею и затих.

— Далеко идти? — спросил Хуан.

— До рассвета — в горы. Там есть пещера, можно переждать.

— А потом?

— Потом — в Толедо.

Они шли. Лес вокруг был черным, только звезды светили сквозь ветви. Где-то внизу, в деревне, завывали собаки. Потом — крики. Нашли.

— Быстрее, — сказал Мануэль. — Они пойдут по следу.

Они ускорили шаг. Дети спотыкались, падали, но поднимались и шли дальше. Елена тащила за собой младшего брата.

та, который уже не мог идти сам.

— Давай я, — сказал Педро, подхватывая мальчика.

— Ты и сам еле идешь, — ответил Диего.

— Ничего, старых солдат не так легко убить.

Они шли до рассвета. Погони не было — то ли сбились со следа, то ли решили, что беглецы не уйдут далеко.

Пещера встретила их темнотой и холодом. Мануэль зажег трут, осветил вход.

— Заходите, — сказал он. — Здесь можно переждать.

Детей уложили в глубине, на солому. Елена, последняя, повернулась к Диего.

— Вы правда нас спасете? — спросила она.

— Правда.

— И других тоже?

Диего посмотрел на нее.

— Других?

— Там еще дети. В подвалах, в домах. Много. Нас, тех, кого отправили в пещеру, только часть. Остальные... их держат в деревне.

Диего переглянулся с Мануэлем.

— Сколько? — спросил он.

— Не знаю. Много. Десятки. Брат Себастьян собирает их со всей округи. Говорит, что они нужны для... для чего-то. Для опытов.

Диего сжал кулаки.

— Мы вернемся, — сказал он. — За всеми.

Елена кивнула и легла рядом с братом. Через минуту она уже спала.

Диего сел у входа, глядя на светлеющее небо.

— Много, — сказал он. — Десятки детей.

— Значит, надо возвращаться, — ответил Мануэль. — С людьми. С подмогой.

— А если за это время их увезут? Или...

— Не увезут. Себастьян сказал — они нужны для опытов.

Значит, они здесь. Пока.

— Ты веришь ему?

Мануэль помолчал.

— Верю. Потому что он не врал. Он хотел, чтобы мы знали. Хотел, чтобы мы вернулись.

— Зачем?

— Затем, что он готовится. И хочет, чтобы мы пришли.

Диего посмотрел на светлеющее небо.

— Тогда мы придем. И заберем детей.

Глава 5. Плен и побег

В пещере было тихо.

Дети спали, сбившись в кучу на соломе, и их дыхание казалось единственным звуком в этом промерзшем мире. Елена обнимала брата, тот прижимался к ней, и даже во сне лицо мальчика было напряжено, будто он ждал, что в любой момент его схватят. Диего сидел у входа, смотрел на светлое небо и думал.

Мануэль вернулся через час. Он ходил на разведку, проверял, нет ли погони, и теперь опустился рядом, молча протянул флягу.

— Преследуют? — спросил Диего, делая глоток.

— Нет. Пожар потушили, но искать нас не пошли. Видимо, решили, что мы ушли далеко.

— Или ждут, когда мы вернемся.

Мануэль усмехнулся.

— Ты стал подозрительным.

— Я стал осторожным. Себастьян отпустил нас слишком легко. Слишком много знает. Это ловушка.

— Ловушка, в которую мы все равно пойдем. Там дети.

Диего посмотрел на него.

— Ты тоже получил приглашение.

Мануэль помолчал. Потом кивнул.

— Да. Лекарь ждет меня. Говорит, что может вылечить

старую рану.

— Ту, что не проходит?

— Ту, что не проходит. — Мануэль расстегнул ворот рубахи, показал шрам на плече — старый, давний, но вокруг него кожа была воспаленной, будто рана не зажила до конца. — В войнах такое бывает. Лекари говорят — внутри что-то осталось, кусочек металла, может, кость неправильно срослась. Иногда болит так, что руку не поднять. А он говорит — может вылечить.

— И ты ему веришь?

— Не знаю. Он — единственный, кто сказал, что может помочь. Все остальные только руками разводили.

— Но ты отказался.

Мануэль застегнул рубаху.

— Отказался. Потому что знаю цену. Он не лечит просто так. Он покупает.

— И ты не продаешься.

— Не продаюсь. — Мануэль посмотрел на него. — Но хочется.

Диего хотел что-то сказать, но не нашел слов. Вместо этого он спросил:

— Что будем делать с детьми? Шестеро, все обессилены. До Толедо не дойдут.

— Оставим в ближайшей деревне. Той, где брали лошадей. Там люди, они помогут.

— А если там уже сектанты?

— Проверим. Сначала я, потом вы.

Они замолчали. В пещере завозился Педро, вышел, потирая запястья.

— Узлы тугие были, — сказал он, садясь рядом. — До сих пор болят.

— Как Хуан? — спросил Диего.

— Спит. Рука болит, но кости целы. Месяц-два — и будет как новенький.

— А ты?

Педро усмехнулся.

— Меня, сеньор, не так легко сломать. Я старый, меня били и лучше.

Он посмотрел на Диего.

— Что дальше? В Толедо?

— Нет. Сначала — дети. Потом — возвращаемся.

Педро нахмурился.

— Зачем?

— Там еще дети. Десятки. Елена сказала.

— И ты хочешь идти туда снова? С нами-четверо против двадцати?

— У нас есть фамильяры. Вернемся в Толедо, возьмем людей.

— Дорога туда и обратно — неделя. За неделю их могут увезти.

— Могут. Но если мы пойдем сейчас — нас убьют. И детей не спасем.

Педро помолчал, потом кивнул.

— Разумно. Я за.

— Я тоже, — сказал Мануэль.

— Значит, решено. Сейчас выходим. Мануэль — вперед, мы за ним.

Они разбудили детей. Елена открыла глаза сразу, будто и не спала, огляделась, увидела знакомые лица и успокоилась.

— Идем, — сказал Диего. — Не бойтесь.

Дорога до деревни, где они оставили лошадей, заняла полдня. Шли молча, только Педро переговаривался с Хуаном, который, несмотря на боль, пытался шутить. Дети еле передвигали ноги, но не жаловались. Только один мальчик, самый маленький, заплакал, когда сил не осталось совсем. Диего взял его на руки.

— Держись, — сказал он. — Скоро будем.

Деревня, куда они пришли, была пустой — той самой, где они ночевали перед тем, как идти в горы. Мануэль обошел ее, проверил дома, потом вернулся.

— Никого. Ушли.

— Хорошо. Здесь переждем.

Они нашли дом побольше, уложили детей на лавки. Елена, прежде чем уснуть, поймала Диего за рукав.

— Вы правда вернетесь? За другими?

— Правда.

— И за нашими родителями? Они там. Или были. Я не знаю.

Диего сел рядом.

— Расскажи. Что случилось в деревне?

Елена помолчала, глядя в стену.

— Брат Себастьян пришел несколько месяцев назад. Сначала говорил красиво, помогал, лечил. Потом сказал, что Бог велит очиститься. Что те, кто не с ним, — слуги дьявола. Отец не поверил. Сказал, что мы христиане, что в церковь ходим. А брат Себастьян сказал, что церковь продалась, что настоящая вера — только у них.

— И что было потом?

— Потом он стал собирать детей. Сначала тех, чьи родители не слушались. Говорил, что дети будут служить Богу. Потом — всех. Отец спрятал меня и Томаса в подвале, но его нашли. Убили. А нас... нас нашли и отправили в пещеру. Сказали, что мы нужны для опытов. Что Учитель приедет и заберет нас.

— Учитель?

— Так они называют того, кто научил брата Себастьяна. Говорят, он живет далеко, но скоро приедет. Чтобы забрать всех детей.

Диего переглянулся с Мануэлем.

— Лекарь, — сказал тот.

— Он. — Диего повернулся к Елене. — Когда он должен приехать?

— Не знаю. Скоро. Брат Себастьян говорил, что нужно подготовить всех к его приезду.

— Сколько всего детей?

— Не знаю. Много. Со всей округи. Их держат в подвалах, в домах, в церкви. Некоторых уже отправили, но большинство еще здесь.

Диего помолчал.

— Спи, — сказал он. — Завтра поговорим.

Елена кивнула и закрыла глаза.

Диего вышел на улицу. Солнце уже клонилось к закату, и воздух стал прохладным. Мануэль сидел у стены, чистил нож.

— Если Лекарь придет, — сказал Диего, — мы не успеем.

— Не успеем. Надо идти сейчас.

— А дети?

— Оставим здесь. С ними останется Хуан. Мы с Педро пойдем в деревню.

— А я?

— Ты нужен здесь. Если что-то пойдет не так — поведешь детей в Толедо.

— Нет, — сказал Диего. — Я иду с вами.

Мануэль посмотрел на него.

— Ты не солдат.

— Я следователь. И это мое дело.

— Твое дело — найти Лекаря. Он не в деревне.

— Но дети там. А дети — это мое дело.

Мануэль усмехнулся.

— Упрямый. Как и все.

— Это не упрямство. Это работа.

Они замолчали. Из дома вышел Педро, прислушался к разговору.

— Спорите? — спросил он.

— Решаем, кому идти, — ответил Мануэль.

— Идем все. Хуан останется с детьми.

— Он ранен.

— Ранен, но не мертв. И если кто-то придет, он позовет.

Диего посмотрел на Педро.

— Ты уверен?

— Уверен. Хуан — молодец, справится.

Они зашли в дом. Хуан сидел на лавке, перевязывал руку.

Увидев их, поднял голову.

— Решили?

— Решили. Ты остаешься с детьми.

Хуан помрачнел.

— Я могу...

— Знаю, что можешь. Но дети нужны кому-то, кто умеет драться. Если придут — ты их отведешь в лес. Жди нас там.

— А если вы не вернетесь?

— Вернемся.

Хуан посмотрел на Диего, потом на Педро.

— Ладно. Но если не вернетесь к рассвету — я пойду за вами.

— Не пойдешь, — сказал Педро. — Детей не бросишь.

Хуан вздохнул, но спорить не стал.

Они вышли, когда стемнело. Шли той же дорогой, что и утром, но теперь — в обратную сторону. Лес был черным, только звезды светили сквозь ветви. Мануэль, как всегда, шел впереди, Педро и Диего — за ним.

— Долго? — спросил Диего.

— К полуночи будем.

Они шли молча. Диего думал о том, что они оставили детей на Хуана. О том, что Себастьян ждет их. О том, что Леккарь, возможно, уже в пути.

— Стой, — сказал Мануэль.

Они замерли.

— Там, — он показал вперед.

В просвете между деревьями виднелись огни. Много огней — факелы, костры, свечи в окнах. Деревня не спала.

— Ждут, — сказал Педро.

— Или празднуют, — ответил Мануэль.

— Что делать?

— Посмотреть. Если они готовятся к обороне, детей не вывести. Если празднуют — можно попробовать.

Они подошли ближе, залегли за гребнем холма.

Деревня выглядела иначе, чем в прошлый раз. На площади горел большой костер, вокруг сидели люди. Не охранники — крестьяне. Женщины, дети, старики. Они ели, пили, пели. И в центре, у костра, стоял брат Себастьян. Он говорил что-то, и люди слушали, затаив дыхание.

— Что он говорит? — спросил Диего.

— Не слышно.

— Похоже на проповедь, — сказал Педро. — Или на прощание.

— Прощание?

— Если Лекарь приезжает, он может забрать детей. Или оставить их здесь. Кто знает.

Диего смотрел на костер, на людей, на брата Себастьяна в белой одежде.

— Мы не можем ждать. Надо идти.

— Как? Там два десятка людей.

— Обойдем. С другой стороны, где подвалы.

— А если там охрана?

— Значит, будем драться.

Педро усмехнулся.

— Ты, сеньор, становишься смелым.

— Я становлюсь отчаянным.

Они обошли деревню с северной стороны, где, по словам Елены, были дома, в которых держали детей. Здесь было тихо. Огни горели только в одном доме — двухэтажном, каменном, с крепкими ставнями. У входа стояли двое с копьями.

— Двое, — сказал Мануэль. — Я беру левого, Педро — правого. Тихо.

— А я? — спросил Диего.

— Смотри.

Они двинулись. Мануэль подошел к охраннику со спины,

прижал руку ко рту, полоснул ножом по горлу. Тот осел, даже не пикнув. Педро действовал иначе — подошел вплотную, ударил рукоятью меча в висок, подхватил падающее тело, оттащил в тень.

— Чисто, — сказал он.

Диего подошел к двери. Заперто. Мануэль вставил нож в щель, нажал — замок поддался.

Внутри было темно. Пахло сыростью, соломой и чем-то кислым. Диего зажег трут, осветил комнату.

В углу, на соломе, лежали дети. Человек десять, от мала до велика. Связанные, с кляпами во рту. Они смотрели на свет с ужасом, и только одна девочка, постарше, не испугалась — смотрела выжидающе.

— Мы из Инквизиции, — сказал Диего шепотом. — Мы пришли за вами. Молчите.

Он начал развязывать веревки. Дети не двигались, только смотрели. Девочка, которая не испугалась, освободилась первая, подошла к Диего.

— Нас еще в подвале держат. В церкви.

— Сколько?

— Много. Десятки.

Диего выругался про себя.

— Выводи их, — сказал Мануэль. — Я посмотрю, что с охраной.

Он вышел. Диего и Педро за несколько минут освободили всех детей.

Диего считал, пока выводил их. Десять. Вместе с теми шестью из пещеры — уже шестнадцать. Елена говорила о десятках.

— За мной, — сказал Педро. — Тихо, быстро.

Они вышли. Мануэль стоял у стены, вглядываясь в темноту.

— Чисто, — сказал он. — Но скоро придут. Уходим.

Дети двинулись к лесу. Шли молча, держась за руки, спотыкаясь в темноте. Педро вел их, Мануэль замыкал. Диего шел последним, оглядываясь.

Они почти дошли до опушки, когда сзади раздался крик.

— Стой! Стоять!

Диего обернулся. От деревни бежали люди — человек десять, с факелами, с копьями. Впереди — брат Себастьян.

— Уходите! — крикнул Диего. — Я задержу их.

— Ты один? — Педро схватил его за плечо. — Ты что, с ума сошел?

— Уводи детей. Мануэль, помоги ему.

— Диего...

— Это приказ.

Педро посмотрел на него, потом на бегущих сектантов.

— Если ты умрешь, я тебя сам убью.

Он развернулся и побежал за детьми. Мануэль задержался на секунду.

— Держись, — сказал он и исчез в темноте.

Диего остался один.

Он встал на тропе, загораживая проход. В руке — нож, который дал Мануэль. Сердце колотилось, но руки не дрожали.

Бегущие приближались. Диего видел их лица — злые, перекосенные, с факелами, с оружием.

— Стоять! — крикнул он. — Именем Святой канцелярии!

Они не остановились. Только ускорили бег.

Диего поднял нож.

И в этот момент сзади раздался взрыв.

Земля дрогнула, в небо взметнулся столб искр, и лес осветился ярким светом. Сектанты замерли, обернулись на шум.

— Это ловушка! — закричал кто-то. — Нас окружают!

— Назад! Назад!

Они побежали обратно, к деревне. Только один не побегал — брат Себастьян. Он стоял на тропе, глядя на Диего, и улыбался.

— Твой друг устроил огненное действие, — сказал он. — Красиво.

— Отпусти детей, Себастьян.

— Отпустил. Ты же их уже увел. Остальных — тоже уведешь? В подвалах их много.

— Всех.

— Всех не успеешь. Учитель придет через три дня. И заберет тех, кто останется.

— Я не дам.

Себастьян покачал головой.

— Ты не понимаешь. Учитель не просто забирает детей. Он их... лечит. Делает лучше. Сильнее. Умнее. Они станут новыми людьми.

— Они станут рабами.

— Рабами? — Себастьян усмехнулся. — Ты говоришь о рабстве, а сам служишь инквизиции. Которая жжет людей за то, что они думают иначе. Кто из нас раб?

Диего не ответил.

— Ты мог бы быть с нами, — продолжал Себастьян. — Учитель говорил, что ты особенный. Что ты пришел из другого мира. Что ты — ключ.

— Я не ключ.

— Ты так думаешь. Но Учитель знает больше. Он нашел способ открывать двери. И ты — часть этого.

— Я — часть правосудия. И я найду его.

Себастьян смотрел на него долго, потом кивнул.

— Найдешь. Когда придет время. А пока — иди. Твои дети ждут.

Он развернулся и пошел к деревне.

Диего смотрел ему вслед, пока белая одежда не исчезла в темноте. Потом повернулся и побежал в лес.

Он нагнал своих через полчаса. Дети сидели на земле, тяжело дышали. Педро и Мануэль стояли рядом.

— Живой? — спросил Педро.

— Живой. А ты? — он посмотрел на Мануэля.

— Взорвал пустую хижину. Шуму много, толку мало.

— Но они побежали.

— Побежали. До утра не сунутся.

— Значит, у нас есть время.

Диего посмотрел на детей. Их было больше, чем он думал.

Десять, двенадцать, пятнадцать — в темноте не разобрать.

— Все, кто был в том доме? — спросил он.

— Все, — ответил Педро. — Но в церкви еще. Много.

— Успеем?

— Если поторопимся.

Диего повернулся к Мануэлю.

— Ты знаешь, где вход в подвал?

— Видел. Сзади церкви, через ризницу.

— Поведешь. Педро, ты с детьми. Ждите на опушке.

— А ты? — спросил Педро.

— Я с Мануэлем.

— Опять один?

— Не один. С Мануэлем.

Педро хотел возразить, но Мануэль уже двинулся к деревне. Диего пошел за ним.

Они обошли деревню с тыла. Здесь было тихо. Сектанты собрались на площади, у костра, и не смотрели по сторонам.

Церковь стояла темная, только в алтаре горели свечи. Дверь в ризницу была приоткрыта. Мануэль скользнул внутрь, Диего — за ним.

В ризнице пахло ладаном и воском. На столе лежали книги, свитки, какие-то бумаги. В углу — дверь, ведущая вниз.

Мануэль открыл ее, прислушался.

— Никого, — шепнул он. — За мной.

Они спустились. Подвал был большим, с низким сводом. Вдоль стен — клетки. Железные, деревянные, с запертыми дверцами. Внутри — дети. Много. Десятки.

— Господи, — выдохнул Диего.

— Не отвлекайся, — сказал Мануэль, открывая первую клетку.

Дети выходили молча, смотрели на свет, жмурились. Кто-то плакал, но тихо, боясь привлечь внимание.

Диего считал. Пять, десять, двадцать.

— Сколько их?

— Все, кто здесь. Выходите.

Они выводили детей, торопясь, но не шумя. Последними вышли двое — мальчик и девочка, держащиеся за руки.

— Все? — спросил Диего.

— Все, — ответил Мануэль.

Он поднялся по лестнице, выглянул.

— Чисто. Уходим.

Дети двинулись к выходу. Диего замыкал.

Наверху, у дверей церкви, их ждал сюрприз.

Брат Себастьян стоял на паперти, сложив руки на груди.

Рядом — двое с мечами.

— Я знал, что вы вернетесь, — сказал он.

— Пропусти, Себастьян.

— Пропущу, — сказал Себастьян. Голос у него был ров-

ным, но в нём чувствовалось усилие — как у человека, который держит что-то тяжёлое. — Учитель сказал: не трогать. Я выполняю приказ. Но ты понимаешь, что я думаю о его приказе?

— Догадываюсь.

— Нет. — Себастьян посмотрел на детей, которые жались к стенам. — Не догадываешься. Иди.

Он шагнул в сторону, освобождая проход. Рука его лежала на рукояти ножа — и не двигалась. Стоило усилий. Дети побежали, спотыкаясь, но не останавливаясь.

Диего прошел мимо Себастьяна, чувствуя его взгляд на спине.

— Диего, — окликнул тот. — Передай Мануэлю — Учитель ждет. И передай — боль пройдет. Если он придет.

— Передам, — ответил Диего, не оборачиваясь.

Они вышли на улицу. Дети уже бежали к лесу, Педро подгонял их. Мануэль замыкал, оглядываясь.

— Быстрее! — крикнул он.

Они вбежали в лес, когда сзади раздались крики. Сектанты заметили пропажу.

— В лес! — крикнул Диего. — Не останавливаться!

Они бежали. Дети падали, поднимались, бежали дальше. Диего подхватил одного, потом другого, тащил на себе, не чувствуя тяжести.

Сзади — погоня. Факелы, крики, топот.

— Сюда! — крикнул Мануэль, сворачивая в овраг.

Они скатились вниз, по колено в воде, побежали по руслу ручья. Погоня прошла выше, не заметив.

— Стойте, — сказал Мануэль, когда стало тихо.

Они замерли, прислушиваясь.

— Ушли, — сказал Педро.

— Ушли, — согласился Мануэль.

Диего опустился на землю, пытаясь отдышаться. Дети сидели рядом, мокрые, грязные, перепуганные.

— Все? — спросил он.

— Все, — ответил Педро. — Всех вывели.

— Сколько?

— Сорок два, — Педро помолчал. — Я считал. Шестеро из пещеры, десять из дома, двадцать шесть из подвала под церковью. Сорок два. Диего закрыл глаза.

— Теперь — в Толедо. И за подмогой.

— А те, кто остался? — спросила Елена, подходя. — В деревне еще дети.

— Никого не осталось, — сказал Диего. — Мы всех вывели.

Елена посмотрела на него, потом на детей, сидящих вокруг.

— Всех, — повторила она тихо. И заплакала.

Диего обнял ее, прижал к себе. Она плакала, уткнувшись ему в плечо, и он чувствовал, как дрожит ее тело.

— Всех, — сказал он. — Мы всех вывели.

Глава 6. Возвращение

Они шли трое суток.

Сорок детей, четверо взрослых, обессиленных, голодных, но живых. Первый день был самым тяжелым. Дети, не привыкшие к долгой ходьбе, падали через каждые сто шагов. Диего поднимал их, ставил на ноги, подбадривал, уговаривал. Елена помогала, как могла — тащила за собой младших, шептала им что-то, успокаивала.

— Долго еще? — спрашивала она.

— Скоро, — отвечал Диего. — Еще немного.

Он врал. До Толедо было три дня пути, и каждый день тянулся вечностью.

На ночлег остановились в лесу, у ручья. Мануэль развел костер, поставил греться воду. Педро собирал хворост, хмурый, молчаливый. Хуан сидел у дерева, перевязывал руку. Три дня лесом и грязью — рана воспалилась, пальцы распухли, но он не жаловался.

— Дай посмотрю, — сказал Мануэль, подходя.

— Нормально, — ответил Хуан, отводя взгляд.

— Покажи.

Хуан протянул руку. Мануэль размотал тряпки, осмотрел.

— Плохо. Надо промыть и перевязать. Если загноится, рукуотрежем.

Хуан побледнел.

— Отрежем?

— Если загноится. Но пока не загноилось. Терпи.

Мануэль достал из сумки склянку, вылил на рану что-то, от чего Хуан зашипел и зажмурился. Потом наложил чистую тряпку, замотал.

— Теперь держи в сухости. И не напрягай.

— Спасибо, — выдохнул Хуан.

— Не за что.

Диего сидел у костра, смотрел на огонь и думал. О детях, которые спали на подстилках из веток. О брате Себастьяне, который отпустил их. О Лекаре, который едет в Сан-Педро. О словах, сказанных в темноте: «Ты — ключ».

— Не спится? — спросил Педро, садясь рядом.

— Не спится.

— Думаешь о том, что будет?

— Думаю.

— А я о том, что было, — Педро усмехнулся. — Раньше я думал, что видел всё. Войны, плен, смерть. А тут — дети. Сорок детей. И это только те, кого мы успели вывести.

— Себастьян сказал, что Лекарь приедет через три дня.

У нас есть время.

— Время на что?

— Набрать людей. Вернуться. Не дать ему забрать остальных.

— А если остальных нет? Если мы всех вывели?

— Елена сказала, в деревне еще дети. Те, кого не успели

отправить в пещеру. Их держат в подвалах. Мы проверили не все.

Педро помолчал.

— Сорок детей, — повторил он. — И это только те, кого мы нашли. Сколько еще по другим деревням?

Диего не ответил. Он думал о том же.

Мануэль подошел, сел с другой стороны.

— Хуан уснул, — сказал он. — Рука болит, но кости целы.

— Вылечишь?

— Вылечу. Если успею.

— Успеешь.

Мануэль посмотрел на огонь.

— Себастьян сказал, что Лекарь ждет меня.

— Сказал.

— И что боль пройдет.

— Он лжет.

— Не знаю. Может, и нет.

Диего повернулся к нему.

— Ты хочешь пойти к нему?

Мануэль помолчал.

— Хочу. И боюсь.

— Чего?

— Что он прав. Что он может вылечить. И что я тогда стану другим.

— Другим?

— Тем, кто делает больно не ради правды, а ради знания.

Как он.

— Ты не станешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты выбрал нас. А не его.

Мануэль усмехнулся.

— Выбрал. Но иногда думаю — правильно ли.

Они замолчали. Костер трещал, искры летели в темное небо.

Утром второго дня дети проснулись голодными. Хуан раздал остатки сухарей, разлил по кружкам теплую воду. Ели молча, глядя на пустые руки соседей.

— Скоро будем, — сказал Диего, хотя знал, что это неправда.

— В Толедо? — спросил Томас, брат Елены.

— В Толедо.

— А там нас накормят?

— Накормят. И напоят. И спать положат на мягкие кровати.

Мальчик кивнул, но в глазах его была неуверенность. Он уже не верил обещаниям. Слишком много раз ему обещали, и слишком много раз обманывали.

Они двинулись дальше. Дорога шла через поля, пустые, выжженные, без единого человека. Педро шел впереди, оглядывался, прислушивался.

— Тихо, — сказал он. — Слишком тихо.

— Люди боятся, — ответил Мануэль. — Секта запугала

всех.

— Или ждут.

Диего посмотрел на дорогу, уходящую к горизонту.

— Мы не одни?

— Не знаю. Но я бы на их месте устроил засаду.

Они ускорили шаг. Дети шли молча, только дыхание тяжелое, частое.

К вечеру второго дня показалась деревня, где они оставили лошадей. Пустая, тихая, с заколоченными ставнями. Мануэль обошел ее, проверил.

— Чисто, — сказал он. — Ночевать можно.

Детей уложили в самом большом доме. Елена, последняя, подошла к Диего.

— Мы дойдем? — спросила она.

— Дойдем.

— А что потом? Мы останемся в Толедо?

— Останетесь. Там вам помогут. Найдут семьи, кто вас примет.

— А если не найдут?

— Найдут.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Вы хороший, — сказала она. — Как наш отец.

И ушла спать.

Диего остался у двери, глядя в темноту. Педро подошел, молча протянул флягу.

— Пей, — сказал. — Завтра последний день пути.

— Ты веришь, что мы дойдем?

— Дойдем. Я старых дорог не боюсь.

Диего сделал глоток. Вино было кислым, теплым, но оно согревало.

— Педро, — сказал он. — Ты много лет в инквизиции.

Бывало такое, чтобы наши дела раскрывали заранее?

Педро помолчал.

— Бывало. Но редко. Обычно если кто-то из своих про-
дает.

— И что с ними делали?

— Разное. Кого пытали, кого вешали. А кого — прощали,
если покаялся.

— А если не каялся?

— Тогда сжигали.

Диего кивнул.

— Ты думаешь, у нас есть предатель? — спросил Педро.

— Думаю. Слишком быстро Себастьян узнал о том, что
мы едем.

— Может, он просто умный. Или у него свои люди везде.

— Может. Но я проверю.

Педро усмехнулся.

— Ты, сеньор, становишься подозрительным.

— Я становлюсь осторожным.

На третий день они вышли затемно. Дорога пошла вверх,
к холмам, за которыми начинались земли Толедо. Дети шли
молча, из последних сил. Младших несли на руках — Диего

одного, Педро другого, Мануэль третьего.

— Вижу! — крикнул Хуан, который шел впереди. — Стены!

Диего поднял голову. Вдали, на холме, темнели стены Толедо. Город казался неприступным, чужим, но сейчас он был домом.

— Быстрее! — крикнул Диего. — Еще немного!

Дети побежали, спотыкаясь, падая, поднимаясь. Елена тащила за собой Томаса, который уже не мог идти.

— Держись, — шептала она. — Мы почти пришли.

В воротах их встретили стражники. Увидев толпу детей, грязных, оборванных, перепуганных, они сначала растерялись, потом побежали звать начальство.

— Из канцелярии мы, — сказал Педро, показывая знак. — Пропустите.

— Это все? — спросил старший стражник, глядя на детей.

— Все. Пропусти.

Их пропустили.

В канцелярии было тихо. Брат Хиль сидел на своем месте, перебирал бумаги. Увидев Диего, поднял голову.

— Вернулся?

— Вернулся.

— Живой?

— Как видишь.

Хиль усмехнулся.

— Великий инквизитор у себя. Велел привести, как толь-

ко явишься.

— Сейчас.

Диего прошел по коридору. Стены были те же, запах — тот же. Но что-то изменилось. Он чувствовал это, но не мог понять, что именно.

Он постучал в дверь кабинета.

— Войдите.

Торквемада сидел за столом, перед ним лежали бумаги. Он выглядел усталым, но глаза были живыми, цепкими.

— Садись, — сказал он. — Рассказывай.

Диего сел. Стул был жестким, привычным. Он рассказал всё. Про деревню, про брата Себастьяна, про детей, про Лекаря, который должен приехать. Про сорок спасенных. Про тех, кто остался.

Торквемада медленно опустился на стул, чего за ним никогда не водилось.

— Сорок детей, — повторил он. — И это только те, кого вы успели вывести.

— Мы не успели всех. В деревне остались. Себастьян сказал, Лекарь приедет через три дня.

— Через три дня? — Торквемада нахмурился. — Это было три дня назад.

Диего замер.

— Что?

— Ты был в дороге три дня. Если Лекарь собирался приехать через три дня после вашего разговора, он уже там.

Диего похолодел.

— Мы опоздали.

— Возможно. Но не отчаивайся. Если он приехал, значит, он там. А значит, мы знаем, где его искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.